

Феноменология городских экспертных практик («региональные онтологии» как основание человекообразности)*

И. О. Щедрина^{1,2}, Е. П. Журавель^{1,3}

¹ Институт логики, когнитологии и развития личности, Российская Федерация, 129110, Москва, пр. Мира, 70

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, Москва, Мясницкая ул., 20

³ Государственный академический университет гуманитарных наук, Российская Федерация, 119049, Москва, Маролевский пер., 26

Для цитирования: Щедрина И. О., Журавель Е. П. Феноменология городских экспертных практик («региональные онтологии» как основание человекообразности) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 4. С. 725–736. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.410>

Человечество сегодня переживает серьезные изменения, затрагивающие практически все сферы жизни, всю среду его обитания. В научных и философских кругах это состояние определяют как антропологический кризис. Можно спорить о его глубине и перспективах, но в данной статье мы хотим обратить внимание на феноменологический инструментарий, который сегодня вырабатывается для противостояния этому кризису, для преодоления его негативных последствий. При этом релевантная проблематика будет разворачиваться в статье на материале городских экспертных практик. В центре внимания оказываются социально-гуманитарный потенциал и эффективность экспертизы в обозначенном антропологическом кризисном плане. С точки зрения авторов, происходящий ныне распад восприятия городской среды как целостности, ее онтологическая регионализация — это своеобразный вариант духовного экологического кризиса, в преодолении которого экспертиза может продемонстрировать свою реальную эффективность не как абстрактное рассуждение, но конкретно, в организации релевантных интеллектуальных практик. Именно такой подход позволяет вывести к философским основаниям обсуждение перспектив преодоления антропологического кризиса (а точнее — конструктивной роли экспертизы, синтезирующей восприятия «региональных онтологий» как целостной интеллектуальной среды обитания). Таким образом, авторы статьи, с одной стороны, опираются на идеи, на общие основания (прежде всего на те, которые были заложены феноменологией); а с другой, благодаря экспертизе как предмету анализа, проецируют эти идеи на реальную среду обитания человека (фиксируя таким путем перспективы преодоления антропологического кризиса).

Ключевые слова: экспертиза, город, мегаполис, экспертные практики, «региональные онтологии», человекообразность, архив, музей, культурно-историческая эпистемология.

* Работа выполнена в рамках проекта Института логики, когнитологии и развития личности, поддержанного грантом РФФИ, № 22-28-01632 «Экспертиза как эпистемологический феномен в контексте различения фундаментальных и прикладных установок в науке».

Почти четверть века назад, в 2000 г., вышла книга «Судьба цивилизации. Путь Разума» ученого-математика, академика РАН Никиты Николаевича Моисеева, который запомнился в российской интеллектуальной культуре компьютерным экспериментом, предсказавшим «ядерную зиму». В этой книге есть глава «Мегаполисы как естественный фактор развития человечества», посвященная проблемам современной нам городской жизни. Моисеев акцентирует внимание на том, что «крупные города, а позднее и мегаполисы возникли сами по себе в силу той же логики Природы, следуя которой наш далекий предок изобрел каменный топор: это тоже шаг к укреплению его могущества. И, если угодно, шаг по пути восхождения к Разуму. Но такие новшества, как топор или мегаполис, несут человеку не только благо, но и могут стать смертельно опасными для его будущего. Это тоже логика Природы. И мегаполисы тоже требуют очередного шага по ступеням восхождения к Разуму, какой сделал человек, обретя табу “не убий!”. Это проблема наступающего века» [1, с. 49]. И далее он приходит к очень важному для нас выводу: «Рост мегаполисов — “природное явление”. Это не изобретение отдельных людей, а следствие самоорганизации общества, в результате которой растет взаимосвязанность людей. Им “по делу” надо быть рядом друг с другом» [1, с. 52]. Действительно, как писал Х. Ортега-и-Гассет, город (или полис) «не есть лишь скопление жилых домов; в первую очередь это место собрания граждан, пространство, предназначенное для решения задач, стоящих перед обществом. В отличие от хижины или domus, город не предназначен для укрытия от непогоды и для воспроизводства человеческих особей, т. е. для решения сугубо частных, семейных задач. ...Он создан для обсуждения общественных вопросов. ...Это означает не что иное, как изобретение нового жизненного пространства, открытие более революционное, чем пространство, обнаруженное Эйнштейном» [2, с. 182–183].

Сегодня мы должны согласиться с Н.Н.Моисеевым, который считал, что «надо принять эту реальность и научиться строить мегаполисы так, чтобы в них можно было жить без перекосов. И самое главное — научиться жить в этих монстрах» [1, с. 52]. Мы думаем, что ключевой в этом процессе становится экспертная деятельность. Экспертиза — это всегда отклик на запрос, созданный под определенную социально-гуманитарную практическую потребность. В какой бы момент данная потребность ни возникла, экспертиза — отклик быстрый, актуальный и своевременный. Как правило, экспертиза предполагает профессиональное аналитическое «схватывание» ситуации в целом. Сегодняшняя реальность мегаполиса характеризуется постоянным возникновением кризисных ситуаций и попытками их преодоления, в большей или меньшей степени успешными. Поэтому нам необходимо осмыслить основания этой целостности.

Если мы, следуя за Моисеевым, хотим понять, как возможно «жить в этих монстрах», то должны опираться не только на его предсказания о мегаполисах как проявлениях человеческой самоорганизации, но и на его рассуждения о роли науки в этих процессах. В этой же книге Моисеев апеллирует к «целостной научной картине мира», которая должна способствовать нашим поискам гармоничного общежития в планетарном масштабе (в частности, она оказывается важнейшей составляющей при построении «комфортной» жизни в мегаполисе). Причем он понимает, что целостность эта — не столько реальность, сколько идеал, по пути к которому должен двигаться общечеловеческий Разум. Ведь еще Гуссерль зафиксировал

кризис европейских наук, сосредоточивших свое внимание на изучении «рационально замкнутых особых *регионов* (курсив наш. — И. Ш., Е. Ж.) в рамках рациональной тотальности универсума» [3, с. 92] и, как следствие, потерявших философские основания. Если следовать логике рассуждений Гуссерля и Моисеева, то можно сказать, что современный мегаполис — это город, потерявший целостность, распавшийся на множество «жизненных миров», т. е. «региональных областей» (не в территориальном, но в символическом смысле).

Мы неслучайно обращаемся именно к гуссерлевскому понятию «региональное». Оно связано прежде всего с представлением о сущности эмпирической предметности, «совокупности предметов»: «Всякая конкретная эмпирическая предметность, — говорит Гуссерль, — в своей материальной сущности входит в определенный высший материальный род, “область” — именно его он и называет “регионом” (§ 9; Hua III: 23). Итак, понятие региона определяется через понятие “рода”. Мы можем поставить вопрос о высшем роде и, соответственно, о “региональной сущности” этого рода... Дисциплина, занимающаяся анализом и экспликацией этой сущности, есть региональная эйдетическая наука или, что для Гуссерля то же самое, региональная онтология» [4]. Гуссерль вводит термин «региональные онтологии»¹ в эпистемологический контекст «для обозначения вариантов представления о познаваемом “сущем”» [5]. «Он говорит об онтологиях, так как речь идет о таком изучении “вещи”, которое определяется своей специфической региональной областью, другими словами, мы приходим к онтологиям природы, души и проч. Этот “плюрализм” вполне законен, так как он обуславливается плюрализмом самого предметного данного, плюрализм — в основе своей “эмпирический”, *опытный*» [6, с. 152]. Мы представляем мегаполис не только как самоорганизующуюся систему, но и как «модель Универсума», которую создает человек, следуя «логике Природы», воспроизводя в ней все многообразие эмпирических предметностей. Вот почему, когда речь заходит о проблемах мегаполиса, мы обязательно должны иметь в виду принципиальный плюрализм его «региональных областей», каждая из которых имеет свою рационально замкнутую региональную онтологию. Ведь «вещи» существуют в мегаполисе не сами по себе, но даны через сознание, они всегда культурно и исторически обусловлены, т. е. человекообразны (см.: [7; 8])².

¹ Примерно спустя столетие, когда процессы регионализации научных дисциплин проявились уже в полной мере, В. С. Степин фактически для тех же целей использовал методологически нагруженный термин “дисциплинарные онтологии”. Заметим, потребность в таких терминологических нововведениях появилась в области философско-методологической рефлексии над наукой не так давно. Со второй половины XIX в. в науке нарастали процессы дифференциации дисциплин, предметные области которых становились все более специфическими и в плане языка их описания, и с точки зрения методов их исследования. К XX столетию этот процесс дисциплинарной дивергенции затронул научную картину мира, изначально предполагавшую структурное единство, а стало быть, и методологическую соотносимость различных областей, направлений и даже типов научного исследования реальности.

² В философии науки термин «человекообразность» вводит в оборот (опираясь на опыт и рассуждения М. К. Петрова) В. С. Степин, акцентируя внимание на фигуре самого ученого, субъекта науки, который не может находиться за скобками эксперимента [8, с. 667]. Хотя это понятие было выдвинуто Петровым прежде всего применительно к различным формам освоения мира человеком [7, с. 6], Степин акцентировал в нем собственно гносеологические аспекты влияния культурно-исторического контекста через включенность субъекта в познаваемую им область реальности, в предметную реальность, которую он исследует как ученый (что очень ярко проявляется в сфере городских экспертных практик).

На наш взгляд, именно преодоление «регионализации» мегаполиса и есть тот путь, который искал Н. Н. Моисеев, когда рассуждал о целостной научной картине, в которой мир предстал «как внутренне согласованное целое, куда могли быть вписаны новые результаты... претендующего на отображение реальности, познания» [5]. Однако философам и ученым XX и начала XXI в. стало очевидно, что «региональные онтологии» может объединять уже иная целостность: сам человек. Применительно к теме, которую мы обсуждаем, важно акцентировать внимание на том, что человек может быть интерпретирован именно как город. Так, В. В. Ванчугов замечает: «Ввести в оборот понятие “философия города” можно хотя бы на том основании, что говорят о душе, характере, лице, теле города, об эстетических и этических качествах города, присущих человеку. В силу долгого сожительства город стал похожим на человека, а человек — на город. Город — адекватная модель для изучения человека и наоборот» [9]. Иначе говоря, город всегда «человекообразен», причем не только в материальном, но и в духовном смысле. Человекообразность города проявляется во взаимосвязи телесной и ментальной комфортности.

Материальная человекообразность городской среды вопросов не вызывает. Она так или иначе присутствует в классическом проектировании и теории архитектуры (параметры человеческого тела безусловно учитываются). Так, первое, о чем говорится в работе «Проектирование и строительство. Дом, квартира, сад» [10] — это человек. Авторы приводят иллюстрации размеров тела человека и занимаемого им места — для комнаты, прохода или рабочего места; в зависимости от того, сидит он или лежит, с багажом, с тростью, один или в группе, движется или статичен, но человек в любом случае остается мерой жизнеустройства. Тезис «человек есть мера всех вещей» приобретает в данном случае материальное воплощение, он прошел испытание временем и самыми разными «региональными онтологиями».

Гораздо сложнее осмысливать городскую среду как комплексный (целостный) ментальный феномен, где все региональные области, соответствующие различным типам человекообразности, взаимосвязаны, взаимозависимы и имеют смысл (они семиотически нагружены). Зачастую именно эта сторона организации городской среды ускользает из поля зрения современных урбанистов. Их попытки охватить мегаполис целиком (как живую дышащую историю) не всегда оказываются удачными³. Цельный образ человекообразного мегаполиса разбивается

³ Вот, к примеру, как формулируют параметры «живого города» эксперты «общественного института развития России»: «Живой город — это социально-психологический феномен. Он возникает через коммуникационную включенность, осознанную активность, позитивное состояние души и тела, право быть собой для всех горожан, жителей и гостей. ...Создан и живет, в первую очередь, для своих жителей, без которых он не может быть живым. Формой жизни города является взаимно полезная деятельность людей на его территории. Живой город там, где ты дома. ...Ценит и понимает источники своей жизнеспособности и умеет их поддерживать и развивать, в живой среде для всех жителей. ...Конструирует искусственную экосистему... способен создавать смыслы, позитивно и адаптивно взаимодействовать с окружающей средой. ...Обладает собственной этикой, формулируемой посредством культурной политики — городского культурного кода. ...Различает будущее и пролонгируемое настоящее. Поэтому управление городом разделяется впредь на управление развитием и управление хозяйством. ...Обладает особым ликом, но все Живые города схожи по ряду общих признаков, свойственных живым, творящим организмам: *самоорганизация, способность к развитию, сознание, созидание и адаптивность*» (см.: Хартия живых городов. *Живые города*. URL: <http://живыегорода.рф/hartiya> (дата обращения: 20.06.2023)). Казалось бы, все важнейшие признаки городского пространства указаны, однако нет главного: восприятия города как живой исторической действительности, нет ответственности граждан за историю.

на множество аспектов городской жизни, требующих приложения самых разных дисциплин («региональных онтологий»), которые также различаются между собой и порой соотносятся с трудом. Как, к примеру, найти общий язык представителям музееведения и проектировщикам коммуникаций, историкам и инженерам, музыкантам и рекламщикам, биологам и строителям? Поскольку (как мы уже отмечали выше) проблемы, возникающие в мегаполисе, всегда имеют практический (прикладной) характер, постольку способы понимания между представителями различных региональных онтологий вырабатываются в междисциплинарных экспертных группах. То есть, как это ни парадоксально, в человекообразном мегаполисе каждый из жителей становится экспертом своего рода, потому что его принуждают к этой деятельности другие горожане — представители различных региональных онтологий, а еще потому, что он имеет свой «жизненный мир», в котором причудливо переплетаются различные региональные области, создавая неповторимый узор.

При этом напомним, что в данном случае мы фактически переносим сложный «объект» «экспертная деятельность» (со всеми его характеристиками и функционалом) из области философии науки в область феноменологии города (как это когда-то попытался сделать Н. Н. Моисеев, соотнося проблемы современной ему науки с антропологическим кризисом, возникающим в мегаполисах). Поэтому мы должны иметь в виду, что экспертиза как важнейшая составляющая современного научного познания является чрезвычайно сложным, многофункциональным феноменом, содержащим в себе как социальные, так и собственно познавательные установки. Именно благодаря соединению этих установок ее роль в науке не исчерпывается ни оценкой соответствия полученного знания требованиям научности, ни прояснением эффективности его использования для достижения необходимых обществу прикладных практических результатов. Внутринаучная экспертная оценка полученного в науке знания одновременно указывает также и на возможные перспективы дальнейшего развития самой науки, расширения собственно научного знания как такового. При этом «двойственность» реализации этой гносеологической функции экспертизы (как и вообще ее широкое проникновение в собственно познавательную работу) связана с человекообразностью современного научного познания (т. е. с присутствием в научных исследованиях на всех уровнях, включая собственно познавательный) общественно значимого, гуманитарного измерения⁴. В современной науке резко возрастает личная ответственность эксперта не только в плане его компетентности, но и в плане объективности предлагаемых им оценок научной перспективности рассматриваемого знания. Именно в этом

⁴ «Человекообразным» В. С. Степин называет объект изучения, в который так или иначе включен сам человек с его параметрами и запросами, а следовательно, и сам эксперт. Это, разумеется, затрагивает ценностные стороны человеческой жизни, что выдвигает на первый план проблему ценностно-нейтрального идеала научного исследования. Вместе с тем этот ценностно-нейтральный идеал подразумевает работу с субъективными или оценочными факторами. Необходимо создать внутри научного исследования нечто вроде научной оценки «человеческого». Иными словами, В. С. Степин говорит о необходимости для современной науки ясного осознания всей совокупности фундаментальных внутринаучных ценностей, осуществляющихся при социальной экспертизе научных программ [7, с. 713]. С этой точки зрения эксперт представляет собой финальную инстанцию, необходимую для научного подхода к областям «человеческого». Эксперт понимает, что он ориентирован конкретной, иногда буквально частной, произвольной социокультурной потребностью. Но в то же время его деятельность может нести фундаментальный потенциал.

коренятся истоки ответственности эксперта перед обществом и городом, в котором он живет и в котором, собственно, творится культура.

Обратимся к конкретному историческому документу — Протоколу совещания по обсуждению проекта Литературного института им. Максима Горького (от 1 октября 1934 г.)⁵, — который может многое для нас прояснить в том, какую роль играет экспертная деятельность в городе как человекообразной системе.

В 1932 г. был создан Литературный институт им. Максима Горького (ныне Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН), директором его был утвержден в августе 1934 г. Л. Б. Каменев. Он пробыл на этой должности недолго, всего несколько месяцев (арестован 16 декабря 1934 г.). Тем не менее он успел созвать группу экспертов, которые должны были обсудить достоинства программы-задания на проектирование эскизного проекта здания Института литературы им. А. М. Горького при ЦИК СССР, составленной В. С. Мартыновичем. Помимо Л. Б. Каменева и его заместителя И. Е. Гершензона (по специальности инженера-строителя), в эту группу входили архитекторы В. С. Мартынович и И. В. Желтовский, философы Г. Г. Шпет, В. Ф. Асмус, историк В. И. Невский, искусствовед А. К. Дживелегов, литературоведы П. И. Лебедев-Полянский, Я. Е. Эльсберг. Каждый из них рассматривал эту программу исходя прежде всего из своих профессиональных компетенций («региональных онтологий»): историк предлагал расширить архивохранилище, философы акцентировали внимание на необходимости расширения публичного пространства института за счет проектирования дополнительной свободной сцены, которая могла бы служить не только для привлечения публики, но совмещать научно-исследовательские и учебно-показательные цели («воспроизводить исторический театр»). Кроме того, философ В. Ф. Асмус обратил внимание на технические параметры кабинета эстетики, «который, по его мнению, должен представлять нечто вроде кабинета по экспериментальным занятиям; здесь можно создавать специальный зал и пропускать большое количество людей». А философ Г. Г. Шпет, имеющий опыт организации научной работы в качестве вице-президента Государственной академии художественных наук, поставил вопрос о соответствии технических параметров кабинетов их содержательной специализации в целом. Он, в частности, заметил, что кабинет должен мыслиться не только как комната для научных занятий, но как «маленький научный институт», а для этого нужны будут уже совсем другие технические нормы («например, лингвистический кабинет — рассуждал он — не будет же при каждой литературе, а должен быть один кабинет живой речи. Если всматриваться в каждый кабинет, то они окажутся очень индивидуальными»). Все поправки, высказанные экспертами, были приняты. Другой вопрос, что программа эта так и осталась неосуществленной, как и множество других советских архитектурных начинаний 1920–1930-х годов.

Мы привели этот архивный материал, для того, чтобы продемонстрировать два аспекта экспертной деятельности в городском пространстве: 1) коллективность принятия решений в междисциплинарной экспертной группе. Экспертиза приобретает коллективный характер и благодаря этому не только уточняются структурные параметры и конкретизируются детали проектируемого объекта (проекта, дела, события), но и происходит обогащение членов экспертной группы, которые

⁵ Документ (машинопись) хранится в фонде Г. Г. Шпета (Отдел рукописей РГБ, ф. 718, к. 21, ед. хр. 31).

в общении обогащают друг друга своими знаниями о мире; 2) культурно-историческая фундированность междисциплинарной экспертной группы. Экспертиза в мегаполисе всегда должна учитывать, что город — это живая, дышащая история. В нем каждое событие и изменение имеют исторический, ментальный смысл, и любое неосторожное вмешательство может нанести неисправимый ущерб городской самоорганизующейся системе (причем на всех уровнях: от экологического до эстетического). И самое главное, что нам показывает этот документ: необходимость именно философской рефлексии в экспертной группе, речь ведь идет о городе как человеке. «Благодаря именно городу и пробуждается (возбуждается) умозрение. Город приучает смотреть на мир структурно. Философ — дитя городской культуры» [9], а эксперт — мегаполисной.

Так что делает эксперта именно экспертом? Более подробно мы писали об этом в статье «Какой эксперт для науки ценен? (к вопросу о типологических характеристиках экспертного знания)» [11], выделив ряд критериев. Это двухуровневость исследования (соотношение фундаментального и прикладного уровней в экспертных практиках); интенциональность (направленность экспертизы на конкретный предмет); интерсубъективность (коллективное обсуждение результатов экспертизы); междисциплинарность и трансдисциплинарность (и наличие «региональных онтологий» в данном случае — только усиливающий фактор), а главное — рефлексивная герменевтическая компетентность эксперта: от начала и до конца он должен понимать, что он делает, т. е. его исследование имеет знаково-семиотический характер, оно всегда целостно и конкретно. «Эксперт, понимающий смысл, не ограничивается сравнением оцениваемого предмета с определенными нормативами и сопоставлением его с собственным профессиональным опытом. Он работает в “интеллектуальном пограничье» [11, с. 567]. Он пишет заключение, опираясь на весь исторический опыт развития городского пространства, которое представлено в интеллектуальной культуре текстуально, словесно (оно сохраняется в архивах, в музеях, библиотеках), с одной стороны, и символически присутствует в материальной культуре (архитектуре, коммуникациях, транспорте и др.), придавая городскому пространству неповторимый облик, — с другой.

Особенно показателен культурно-исторический смысл такой работы в случае с экспертизой в городском гуманитарном пространстве (экспертиза ценности документов в архиве, экспертиза в музее, в галерее, архнадзоре и т. п.). Так, В. Жумер, анализируя четыре десятилетия развития опыта экспертных практик, подчеркнул смену статуса архивиста как того, кто отбирает документы, кто создает исторический образ (события, личности, места): «До середины XX в. архивист, в задачи которого входили, прежде всего, собирание, оформление, описание и хранение архивных документов, являлся лишь “слугой истории”. И только после того, как архивисты начали проводить экспертизу ценности и отбор документов, они стали своего рода “модельерами истории”. Несмотря на то, что в ходе этой работы большинство архивных служб в течение последних тридцати лет тесно сотрудничают с фондообразователями, внештатными экспертами, а также с потенциальными пользователями — научными сотрудниками, исследователями и общественностью, окончательное принятие решения о судьбе документального наследия находится преимущественно в руках архивистов. Поэтому решение данной задачи не может зависеть от “тонкого чутья” архивиста, а должно основываться на методике

экспертизы ценности, специально разработанной с учетом возможных особенностей отбора и выделения документов к уничтожению, а также принципах и критериях экспертизы ценности» [12, с. 3]. «Модельер истории» действительно задает тематическое направление в формировании городского облика, причем и по отношению к будущему и к прошлому города. Обладая необходимыми компетенциями, действуя с опорой на науку, личный опыт и знание, эксперт переводит практику в человекообразный план, привнося при этом экзистенциальное и тем самым выводя экспертизу к смыслу, ориентируя ее на формирование культурно-исторического сознания, на объективность и на рефлексивность.

В качестве примера можно привести эпизод, когда осенью 2022 г. на Старом Арбате открылась фотовыставка, посвященная событиям 100-летней давности: «философскому пароходу»⁶. Место было выбрано неслучайно — исторический центр города, улица, на которой проживало не одно поколение интеллектуалов, самое «сердце» Москвы. Выставка расположилась напротив научной библиотеки и мемориального музея «Дом А.Ф. Лосева». Организаторы сделали событие открытым, показав на стендах фотографии, рассказав жителям Москвы историю о других таких же горожанах, живших сто лет назад. О тех, кто был вынужден покинуть страну, но сохранил образ родной культуры даже на чужбине. Таким образом в круговорот городских мероприятий история как событие: через лица и фотографии, через живые рассказы и визуализации прошлого. Это событие становится человекообразным благодаря экспертной деятельности, включающей отбор материала, выбор наилучшей для мероприятия городской площадки, договор с муниципалитетом и др. Совершают это действие эксперты, работая вместе как профессиональное сообщество, в котором различные региональные онтологии — от материального обеспечения выставки до ее культурно-исторического оснащения — договариваются (общаются, обмениваются смыслами и понятиями). Из множества таких выставок, событий, мероприятий, которые открываются и звучат в течение дней, месяцев и лет на разных интеллектуальных площадках, формируется неповторимый городской облик.

Действительно, смысловой облик города формируется на разных уровнях. Это может быть последовательность улиц и перекрестков, а может — лиц и событий. Историческая предметность города в целом предзадана временем и условиями его существования, однако очень многие детали городского пространства воспринимаются как отдельно взятые смысловые топографические кластеры: галереи, открытые памятники исторической архитектуры, выставки на бульварах. Эти места прежде всего человекообразны, они становятся своеобразным «зеркалом» культуры и истории. Наделяют город этими смыслами люди. Город становится носителем смыслов (подробнее об этом см.: [13]). Тематика открытых городских практик в настоящее время становится все более популярной, появляется большое количество публикаций на эту тему, и даже отдельные периодические издания (так,

⁶ См. о выставке и тематических мероприятиях: «Философский пароход» вернулся: в Москве открылась выставка о великих русских мыслителях, *Журнал Фома*. 30 ноября 2022 г. URL: <https://foma.ru/filosofskij-parohod-vernulsja-v-moskve-otkrylas-vystavka-o-velikih-russkih-mysliteljah.html> (дата обращения: 20.06.2023); Международная конференция «Русская философия XX века и ее вклад в мировую интеллектуальную традицию». К 100-летию «Философского парохода», 27–30 сентября 2022 г. *Институт философии Российской академии наук*. URL: https://iphras.ru/filosofskii_parohod.htm (дата обращения: 20.06.2023).

с 2015 г. издается журнал «Городские исследования и практики»). В этом ракурсе просматриваются две тенденции. Во-первых, популяризация и культивирование осознанного отношения к собственной «среде обитания» среди обычных граждан (все больше возможностей «подключиться» и принять участие в формировании проектов, площадок и т. д.; градообразование становится все более открытым (см., напр.: [14]). Во-вторых, подчеркивается особая роль специалиста, знающего историю и специфику городских мест. Именно городские экспертные практики делают смысловое топографическое пространство человекообразным: через работу с городскими интеллектуальными площадками. Образованный и компетентный эксперт задает интеллектуальный облик города.

Работа эксперта с «региональными онтологиями» как основанием человекообразности городского пространства (особенно если речь идет о крупном городе с большим количеством интеллектуальных площадок, как, например, Москва, Санкт-Петербург, Казань, Ростов-на-Дону, Екатеринбург) позволяет выявить наиболее значимые городские пути, районы, ориентиры, влияющие на формирование ценностно-смысловых и мотивационных установок жителей, способствующих активизации гражданского потенциала, его включению в социокультурную жизнь страны. Функциональное значение городских экспертных практик составляет обеспечение социокультурной устойчивости к изменению отдельных «региональных онтологий». Одним из таких элементов является музей; городская интеллектуальная площадка, которая формирует представление о городе не только «здесь и сейчас», но и о его историческом облике.

Экспертиза сама по себе задает момент целостности, той самой, которая может связать разные «региональные онтологии» города и его истории. Причем если мы говорим о конкретной экспертизе (например, экспертизе ценности документов, о которой шла речь выше), то по самому определению в методических рекомендациях «экспертиза ценности документов — изучение документов на основании критериев их научной и практической ценности с целью определения сроков их хранения и отбора к уничтожению или к передаче на архивное хранение» [15, с. 4]. Таким образом, применение принципа человекообразности экспертных практик по отношению к исследованию «региональных онтологий» городского пространства связано с необходимостью конкретизации их культурно-исторической составляющей. Анализ городских экспертных практик позволяет учесть саморефлексию эксперта как агента социальной и культурной деятельности, что в значительной мере расширяет возможности культурно-исторического исследования воздействия конкретных представлений о среде обитания на ценностно-смысловые и мотивационные установки человека. И в данном случае обращение к феноменологическим характеристикам городских экспертных практик позволяет прояснить специфику городской среды, способствующей активизации человеческого потенциала и его включения в социокультурную жизнь страны.

Литература

1. Моисеев, Н. Н. (2000), *Судьба человечества. Путь Разума*, М.: Языки славянской культуры.
2. Ортега-и-Гассет, Х. (1991), *Восстание масс*, в: Ортега-и-Гассет, Х., «Дегуманизация искусства» и другие работы. *Эссе о литературе и искусстве*, пер. Васильева, С., М.: Радуга, с. 40–228.

3. Гуссерль, Э. (2004), *Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология*, пер. Складнев, Д. В., СПб.: Владимир Даль.
4. Михайлов, И. А. (2023), *Региональные онтологии: происхождение и смысл проблемы*. URL: https://iphrras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2023/16_06_2023_Mikhaylov.pdf (дата обращения: 20.06.2023).
5. Пружинин, Б. И. и Щедрина, Т. Г. (2023), *Феноменологические ориентации современной философии науки: о значении «региональных онтологий»*. URL: https://iphrras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2023/16_06_2023_Pruzhinin.pdf (дата обращения: 20.06.2023).
6. Шпет, Г. Г. (2004), *Явление и смысл*, в: Шпет, Г. Г., *Мысль и Слово. Избранные труды*, М.: РОССПЭН, с. 35–188.
7. Петров, М. К. (1992), *Социально-культурные основания развития современной науки*, М.: Наука.
8. Степин, В. С. (2003), *Теоретическое знание*, М.: Прогресс-Традиция.
9. Ванчугов, В. В. (1997), *Философия города*. URL: <http://emsu.ru/extra/htm4s/um/2000/4/1-1.htm> (дата обращения: 20.06.2023).
10. Нойферт, П. и Нефф, Л. (2005), *Проектирование и строительство. Дом, квартира, сад*, М.: Архитектура-С.
11. Щедрина, И. О. и Журавель, Е. П. (2022), Какой эксперт для науки ценен? (к вопросу о типологических характеристиках экспертного знания), *Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология*, т. 38, вып. 4, с. 562–571.
12. Жумер, В. (2000), Важнейшие аспекты экспертизы ценности документов: анализ международного опыта (1950–1990-е годы), *Отечественные архивы*, № 4, с. 3–17.
13. Лотман, Ю. М. (1984), Символика Петербурга и проблемы семиотики города, *Семиотика города и городской культуры: Петербург*, вып. 664, Тарту: Тартуск. гос. ун-т, с. 30–45.
14. Сафарова, М. Д. (2021), Участие граждан в градорегулировании: теория и практика законодательного обеспечения, *Городские исследования и практики*, т. 6, № 2, с. 65–83.
15. *Экспертиза ценности документов (методические рекомендации)*, Федеральное государственное бюджетное учреждение Центральный архив Управления делами Президента Российской Федерации, М., 2013.

Статья поступила в редакцию 12 мая 2023 г.;
рекомендована к печати 7 сентября 2023 г.

Контактная информация:

Щедрина Ирина Олеговна — канд. филос. наук, науч. сотр.; echiscar@yandex.ru
Журавель Евгений Павлович — науч. сотр.; katindehoed@gmail.com

Phenomenology of Urban Expert Practices (Regional Ontologies as the Basis of Human-sizedness)*

I. O. Shchedrina^{1,2}, E. P. Zhuravel^{1,3}

¹ Institute for Logic, Cognitive Science and Development of Personality,
70, pr. Mira, Moscow, 129110, Russian Federation

² HSE University,
20, Myasnitskaya ul., Moscow, 101000, Russian Federation

³ State Academic University for the Humanities,
26, Maronovsky per., Moscow, 119049, Russian Federation

* The research was carried out within the Institute for Logic, Cognitive Science and Development of Personality project supported by the Russian Science Foundation no. 22-28-01632 “Expert examination as an epistemological phenomenon in the context of distinction between fundamental and applied guidelines in science”.

For citation: Shchedrina I. O., Zhuravel E. P. Phenomenology of Urban Expert Practices (*Regional Ontologies as the Basis of Human-sizedness*). *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2023, vol. 39, issue 4, pp. 725–736. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.410> (In Russian)

Humanity today is undergoing serious changes affecting almost all spheres of life, the entire environment of its habitat. In scientific and philosophical circles, this state is defined as an anthropological crisis. One can argue about its depth and prospects, but in this article we want to draw attention to the phenomenological tools that are being developed nowadays to counter this crisis, to overcome its negative consequences. At the same time, the relevant issues will be developed in the article based on the material of urban expert practices. The focus is on the social and humanitarian potential and the effectiveness of expertise in the outlined anthropological crisis. From the point of view of the author, the current disintegration of the perception of the urban environment as a whole, its ontological regionalization is a kind of spiritual ecological crisis, in overcoming which expertise can demonstrate its real effectiveness not as an abstract reasoning, but concretely, in the organization of relevant intellectual practices. It is this approach that allows us to bring to philosophical grounds the discussion of the prospects for overcoming the anthropological crisis (or rather, the constructive role of expertise, synthesizing the perception of “regional ontologies” as an integral intellectual habitat). Thus, the author of the article, on the one hand, rely on ideas, on general grounds (primarily on those laid down by phenomenology); and on the other hand, thanks to expertise as a subject of analysis, he projects these ideas onto the real human environment (In this way fixing the prospects for overcoming the anthropological crisis).

Keywords: expertise, city, metropolis, expert practices, *regional ontologies*, human dimension, archive, museum, cultural and historical epistemology.

References

1. Moiseev, N. N. (2000), *The Fate of Mankind. Way of Reason*, Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ. (In Russian)
2. Ortega y Gasset, J. (1991), *Revolt of the Masses*, in: Ortega y Gasset, J., “*Degumanizatsiia iskusstva*” i drugie raboty. *Esse o literature i iskusstve*, trans. by Vasilyeva, S., Moscow: Raduga Publ., pp. 40–228. (In Russian)
3. Husserl, E. (2004), *The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology*, trans. by Sklyadneva, D. V., St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ. (In Russian)
4. Mikhailov, I. A. (2023), *Regional ontologies: the origin and meaning of the problem*. Available at: https://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2023/16_06_2023_Mikhaylov.pdf (accessed: 20.06.2023). (In Russian)
5. Pruzhinin, B. I. and Shchedrina, T. G. (2023), *Phenomenological Orientations of Contemporary Philosophy of Science: On the Meaning of 'Regional Ontologies'*. Available at: https://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2023/16_06_2023_Pruzhinin.pdf (accessed: 20.06.2023). (In Russian)
6. Shpet, G. G. (2004), *Appearance and Meaning*, in: Shpet, G. G., *Mysl' i slovo. Izbrannye trudy*, Moscow: ROSSPEN Publ., pp. 35–188. (In Russian)
7. Petrov, M. K. (1992), *Socio-cultural foundations for the development of modern science*, Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
8. Stepin, V. S. (2003), *Theoretical knowledge*, Moscow: Progress-Traditsiia Publ. (In Russian)
9. Vanchugov, V. V. (1997), *Philosophy of the City*. Available at: <http://emsu.ru/extra/htm4s/um/2000/4/1-1.htm> (accessed: 20.06.2023). (In Russian)
10. Neufert, P. and Neff, L. (2005), *Design and construction. House, apartment, garden*, Moscow: Arkhitektura-S Publ. (In Russian)
11. Shchedrina, I. O. and Zhuravel, E. P. (2022), *What kind of expert is valuable for science? (on the Issue of Typological Characteristics of expert knowledge)*, *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, vol. 38, is. 4, pp. 562–571. (In Russian)
12. Zhumer, V. (2000), *The Most Important Aspects of the Examination of the Value of Documents: an Analysis of International Experience (1950–1990s)*, *Otechestvennyye arkhivy*, no. 4, pp. 3–17. (In Russian)

13. Lotman, Yu. M. (1984), Symbolism of St. Petersburg and problems of city semiotics, *Semiotika goroda i gorodskoi kul'tury: Peterburg*, is. 664, Tartu: Tartuskii gosudarstvennyi universitet Publ., pp. 30–45. (In Russian)

14. Safarova, M. D. (2021), Citizen Participation in Urban Regulation: Theory and Practice of Legislative Support, *Gorodskie issledovaniia i praktiki*, vol. 6, no. 2, pp. 65–83. (In Russian)

15. *Examination of the Value of Documents (Guidelines)*. Federal State Budgetary Institution Central Archive of the Office of the President of the Russian Federation, Moscow, 2013. (In Russian)

Received: May 12, 2023

Accepted: September 7, 2023

Authors' information:

Irina O. Shchedrina — PhD in Philosophy, Research Fellow; echiscar@yandex.ru

Evgeny P. Zhuravel — Research Fellow; katindehoed@gmail.com